

Екатерина Лямина
(Москва)

Чехов — читатель мемуаров (заметки к теме)

1. Постоянный интерес Чехова к современной ему периодике широкого спектра не нуждается в специальном обосновании хотя бы в силу его многолетнего интенсивного сотрудничества в целом ряде повременных изданий. Структуру этого интереса мы, впрочем, представляем себе уже не с такой неоспоримой ясностью. Есть работы, посвященные взаимодействию Чехова с отдельными печатными органами¹, но информация о Чехове — читателе и подписчике журналов, газет и альманахов — систематизирована слабо и, пожалуй, даже не выявлена в репрезентативном объеме². Задача усложняется тем, что в распоряжении исследователей нет книжного собрания, которое, находясь в собственности Чехова достаточно долго, запечатлело бы его подход к чтению периодики и динамику его вкусов в этой области. Очевидная причина здесь — многочисленные разъезды и переезды³, сильно сказавшиеся на составе и полноте чеховской коллекции, а также ярко филантропическое и просветительское отношение писателя к принадлежавшим ему книгам. Скажем, хорошо известно, что более двух тысяч томов (в их числе немало раритетов) он после водворения в Мелихове в 1892 г. отправил в Таганрог, в дар недавно открытой там публичной библиотеке.

2. Трудно сомневаться, что, при свойственной Чехову установке на энциклопедизм, важный сегмент его круга чтения составляли исторические журналы: без малого двадцать пять лет его писательской деятельности пришлись на эпоху их процветания. И действительно, в чеховской переписке обнаруживается немало следов близкого знакомства с такого рода изданиями: «Вестником Европы», где имелся солидный исторический отдел, «Русским архивом» и в особенности «Историческим вестником» и «Русской стариной». Так, 1 апреля 1885 г. Чехов осведомляется у Н. А. Лейкина об имени-отчестве ее издателя (М. И. Семевского) с намерением «послать ему коллективное письмо [врачей] с просьбой напечатать отдельным изданием записки Пирогова, когда они кончатся печатанием в “Русской старине”». Это сделает он, вероятно, и без просьбы, но поощрение никогда не мешает⁴. В ряде чеховских писем 1880-х гг. имеются шуточные постскриптымы

вроде: «Это письмо разрешаю Вам напечатать через 50 лет в “Русской старине” и получить за него 500 рублей» (Н. Н. Оболонскому; 23 апреля 1889 г.)⁵. 28 февраля 1890 г. Чехов возвращает А. С. Суворину взятые у него книги, в том числе «Систематическую роспись содержания “Русской старины”, изд. 1870–1884 гг.» (СПб., 1885), прибавляя: «А Вашей библиотеке скажите, что я ей обязан по гроб жизни»⁶. Ему же он пишет через месяц: «Вчера послал Вам три тома “Русской старины”»: 78, XXII, 79, XXIV и 81, XXXII. Ваших книг осталось у меня немно-го»⁷.

3. В те месяцы Чехов собирал по страницам исторической (и иной) периодики в первую очередь сведения о Сахалине, но едва ли все прочее он оставлял совершенно без внимания, тем более в иные периоды, когда его интерес не имел столь четкой тематической привязки. В поле его зрения попадали (как можно судить, в частности, по приведенному выше упоминанию записок Н. И. Пирогова) и материалы собственно исторические и историко-литературные.

4. Одним из смысловых центров этой обширной области был, разумеется, Пушкин, вокруг фигуры которого, благодаря публикаторским, издательским и исследовательским усилиям людей разных поколений и типов профессионализма, активно формировалось пространство печатных источников. Точками рефлексии и кристаллизации в этом процессе становились памятные события и даты, прежде всего открытие монумента на Страстной площади в 1880 г., 50-летие со дня смерти в 1887-м и юбилей 1899 г. Непрерывное приращение корпуса Puschkinian’ы уже в середине 1880-х осмыслялось как черта культурной повседневности. Так, «в малой прессе юбилейных лет [т. е. 1887-го и вокруг] в связи с жанром анекдота возникает новое явление: своеобразная пародия на многочисленные мемуары и псевдомемуары, воспоминания, записанные по памяти детьми, внуками лиц, общавшихся с Пушкиным, и зачастую содержащие незначительные или попросту выдуманные мелкие эпизоды из жизни поэта»⁸.

5. Можно предположить, что Чехов, пристальный читатель Пушкина и, со всеми оговорками, приверженец его общеинтеллигентского культа⁹, был заинтересованным наблюдателем того, как создавалась биография поэта. Значимым моментом такого конструирования было становление «околопушкинского пантеона» — круга лиц, которые в сознании читающей публики бытуют преимущественно в связи с Пушкиным. Видное место в этом пантеоне довольно рано заняла Анна Керн (1800–1879), благодаря как известнейшим в пушкинской лирике стихам, к ней обращенным, так и ранней¹⁰ публикации ее «Вос-

поминаний о Пушкине», слог и точность которых были высоко оценены П. В. Анненковым, едва ли не самым авторитетным пушкинистом первой генерации. Именно он стимулировал дальнейшую работу Керн над записками о Пушкине и его друзьях и наметил для нее важный вектор нарратива¹¹. Известность Керн в пушкинской биографии и, следовательно, *a priori* повышенный интерес к любому мемуарному тексту, вышедшему из-под ее пера, констатировал в 1884 г. П. И. Бартнев, перепечатывая у себя¹² ее записки о детстве, которые только что увидели свет в одном из «тонких» журналов¹³: «Анна Петровна памятна в наших преданиях тем, что она внушила Пушкину одно из лучших его стихотворений (“Я помню чудное мгновенье”). Некоторое время поэт был страстно влюблен в нее, как свидетельствуют его французские письма к ней, ныне вошедшие в последнее собрание его сочинений (М., 1882). Читатели Р. Архива (1884, I, 470) припомнят также письмо Родзянки к Пушкину с ее приписками. Это было живое, даровитое и смолоду обаятельное существо, занимающее не последнее место в биографии Пушкина». «С течением времени», по наблюдению Л. Н. Майкова, такой статус обозначался все четче: уже публикация 1859 г. привлекла «общее внимание интересом своего содержания», и хотя при жизни Керн отдала в печать еще только два очерка¹⁴, ее имя быстро «вошло в жизнеописания Пушкина и в собрания его сочинений»¹⁵.

6. Вторая из упомянутых прижизненных публикаций — небольшой мемуарный рассказ «Три встречи с императором Александром Павловичем (1817–1820 гг.)»¹⁶. В сопровождении того набора сведений о Керн, который на глазах становился каноническим¹⁷, «Три встречи...» были помещены в журнале М. И. Семевского (что немаловажно, на первом же году издания, т. е. явно в качестве «козырного») «по поручению <...> составительницы, Анны Петровны Марковой-Виноградской, в первом замужестве генеральши Керн, рожденной Полторацкой». Рискнем предположить, что этот мемуар привлек внимание Чехова — в том числе и своими особенностями, специально отмеченными Семевским: это «хотя и мелкие, но не безынтересные подробности для обрисовки русского общества двадцатых годов», а также «порывистый, полный неостывшего увлечения тон, которым звучит весь рассказ».

7. «Три встречи...», на что ориентирует уже заголовок, построены как цепочка эпизодов, с автобиографической точки зрения ключевых — и по яркости, и по содержащемуся в них «потенциалу перемены судьбы», невостробованному, но мемуаристкой специально подчер-

кнутому. Выделим основные сюжетные/эмоциональные составляющие очерка:

- «немного прибитая на цвету — как говорят в Малороссии, — необыкновенно робкая, выданная замуж и слишком рано, и слишком неразборчиво» юная жена генерала, «старее гораздо ее» и не «умеющего с нею обращаться», живет с мужем (дивизионным командиром) в провинции¹⁸;

- по случаю корпусного смотра они приезжают в большой город (Полтаву), где 65-летний фельдмаршал Р. В. Сакен (непосредственный начальник генерала Керна), сам благоволяющий его красавице-жене, «указывает государю» на нее. К удивлению мемуаристки, на балу она вступает с императором в непринужденный разговор (по-французски): «Не смея ни с кем говорить доселе, я с ним заговорила как с давнишним другом и обожаемым отцом. Он заговорил, и я была на седьмом небе и от ласковости этих речей, и от снисходительности к моим детским понятиям и взглядам» [90]. В приводимом фрагменте этой беседы акцентированы, с одной стороны, наивность и неопытность молодой женщины, с другой — неожиданное для нее состояние уверенности в себе и эмоционального комфорта¹⁹. После бала она видит Александра I за городом, у обедни в «маленькой полковой церкви, разбитой шатром на поле Полтавской битвы», и получает от него «сперва серьезный поклон, потом, уходя, ласковый, улыбающийся. По городу ходили слухи, вероятно несправедливые, что будто император спрашивал, где наша квартира, и хотел сделать визит» [90–91]. Керн пишет, что она «на минуту окунулась» в светский блеск [93], и воспроизводит оживленный внутренний диалог: «Если бы мне кто сказал: “Этот человек, перед которым ты молишься и благоговеешь, полюбил тебя, как простой смертный”, я бы с ожесточением отвергла такую мысль и только бы желала смотреть на него, удивляться ему, поклоняться, как высшему, обожаемому существу!» [91]. Впрочем, ниже вполне официальным тоном сообщается: «...немедленно после смотра в Полтаве господин Керн был взыскан монаршею милостью: государь ему прислал пятьдесят тысяч за маневры» [93];

- вторая встреча происходит в Петербурге, куда генерал Керн, попавший в немилость «вследствие своей заносчивости в обращении с Сакеном» (который, «поближе узнав Керна, не очень благоволил к нему и, зная нашу интимную жизнь, не слишком его уважал» [93]), приезжает вместе с женой, с намерением «попытаться как-нибудь у царя», за это время ставшего заочным восприемником родившейся

у Кернов дочери. Часы гулянья императора по Фонтанке «были всем известны, и Керн меня посылал туда с своим племянником из пажей. Как нарочно, царя мы ни разу не встретили». Уже оставив бесплодные попытки, мемуаристка случайно видит императора, «низко и глубоко» кланяется ему и получает в ответ «поклон и улыбку, доказавшие, что он меня узнал. Через несколько дней Керну, бывшему дивизионному командиру, князь Волконский от имени царя предложил бригаду, стоявшую в Дерпте. Муж согласился, сказав, что не только бригаду, роту готов принять в службе царя» [94];

- в третий и последний раз мемуаристка видит императора на маневрах в Риге. Это кульминация их отношений, достигающая апогея в сцене бала. Описаны приготовления к нему; упомянуто платье, «великолепный фермуар, подарок кума-императора», который «был сделан на заказ в Варшаве и стоил шесть тысяч ассигнациями» ([96]; «Увы! я не долго пользовалась этим дорогим украшением», — замечает она ниже, намекая, видимо, на то, что муж, вынуждаемый обстоятельствами, заложил или продал драгоценный убор), вход в «длинную овальную» бальную залу. Сакен выводит молодую генеральшу «почти на середину залы», осыпает ее комплиментами и просит «снять длинную перчатку, чтобы расцеловать» ей руку. Появляющийся вскоре монарх воссоединяется (трижды, с интервалами) с А. П. Керн в полонезе: «Потом увидел меня, свое скромное *vis-à-vis*, — и быстро протянул руку». Они вспоминают прежние встречи, и император — также в три приема — спрашивает, довольна ли она своим положением, «не нужно ли ей чего от него» и «с нежною добротою» говорит: «*Adressez-vous à moi comme à un père!*»²⁰ [100] По поводу бала автор очерка замечает: «Можно сказать, что в этот вечер я имела полнейший успех, какой когда-либо встречала в свете!» [98] На следующий день она видит Александра I с балкона галереи, сооруженной «в конце <...> поля» для маневров. Царь, «совсем уже уходя, взглянул к нам наверх и мне поклонился в особенности. <...> До меня дошло потом, что Сакен говорил с императором о моем муже и заметил, между прочим: “Государь, мне ее жаль!”» [102]

8. Целый ряд сходжений с перечисленными точками обнаруживается в рассказе 1895 г. «Анна на шее». Это моменты как относительно формальные:

- имя и отчество героини (Чехов нигде не именует ее Анной Петровной, только по имени — Аня, Анюта, но отца не раз называет «Петром Леонтьичем»; ср. то же сочетание распространенного имени и довольно редкого отчества (Петр Маркович) у отца А. П. Керн);

- возраст ее и мужа (у Чехова — «чиновник 52 лет женится на девушке, которой едва минуло 18»²¹; генерал Е. Ф. Керн сочетался браком с девицей Полторацкой, которой еще не исполнилось 17-ти лет, в 52 года);

так и, относительно же, более содержательные:

- рутинная²² обстановка провинции (по-видимому, малороссийской; ср. упомянутую дважды Старо-Киевскую улицу [169, 173]), где, впрочем, таятся свои ресурсы блеска и взлета;

- мотив драгоценностей, подаренных героине, но фактически находящейся в распоряжении ее мужа (ср. фермуар Керн и «кольца, браслеты и броши» Ани [167], сохранность которых часто проверяет Модест Алексеич);

- сюжетный элемент «сближение»: «важный человек»²³ становится, буквально или в переносном смысле, кумом подчиненного (ср. упоминание об Александре I, заочном крестном отце дочери Керн, и один из важнейших пуантов чеховского рассказа, высвечивающий скрытую скабрзность конфигурации «его сиятельство—Аня—ее муж»: «Модест Алексеич приложил два пальца к губам из осторожности, чтобы не рассмеяться громко, и сказал:

— Теперь остается ожидать появления на свет маленького Владимира. Осмелюсь просить ваше сиятельство в восприемники.

Он намекал на Владимира IV степени и уже воображал, как он будет всюду рассказывать об этом своем каламбуре, удачном по находчивости и смелости» [172–173];

- сочетание двух линий: а) линии мужа, озабоченного карьерой и не слишком уважаемого начальством, снисходящим до него в первую очередь из симпатии к его жене, чем он пользуется в своих интересах, и б) линии героини, на которую внезапно обращается благосклонность вышестоящего лица, после чего она ощущает себя центром мироздания. Линия Анны «построена в соответствии с хорошо известным сюжетным архетипом. Это рассказ о том, как герой, рожденный для некоего более высокого призвания (в данном случае — для светского успеха, блеска, веселья), вынужден влачить жалкое, зависимое и униженное существование в чужой ему среде. Но в один прекрасный день порода героя дает себя знать, и он, посрамляя своих мучителей и тиранов, стремительно возносится к новой жизни, занимает подобающее ему место под солнцем. <...> Манифестации этой фабулы включают такие, ставшие нарицательными, типы, как Золушка и Гадкий утенок. <...> Как в сказке о Золушке, возрождение героини начинается с бала, на котором ее красота и изящество неожиданно открываются всему свету»²⁴. Данный ход использует и Керн, с той разницей, что у нее

встречи с императором — заведомо недолгие просветы в безрадостной повседневности, а у Чехова бал и благотворительный базар совершенно (и в тональности рассказа — навсегда) меняют жизнь Ани. Функция принца в «Трех встречах...» расслоена (неравномерно) между двумя героями — пожилым фельдмаршалом Сакеном и находящимся в расцвете лет императором Александром, причем о первом рассказывается с несомненным уважением, о втором — с безудержным восхищением²⁵. В «Анне на шее» герой в сходной функции подан сложнее: «Пародийным отражением принца <...> является престарелый “его сиятельство” — таинственный персонаж, чье имя, внешность и должность остаются скрытыми от читателя и чьи аналогии с монархом проступают как в подразумеваемом княжеском титуле, так и в том несомненном царственном ореоле, которым он окружен с самого начала новеллы»²⁶. Ср., в частности, прорисовку маркированной детали: «его сиятельство» говорит, «осматривая свои белые руки с розовыми ногтями» [172]; Керн, созерцая императора, любит «всеми его движениями и в особенности манерой резать белый хлеб своею белою прекрасною рукой»²⁷;

• речевые партии, плотно пригнанные к обозначенным линиям мужа и Анны. Таков небольшой монолог генерала Керна перед балом, в который встроена реплика Александра I: «Керн <...> возвратился довольно поздно в очень радостном расположении духа и начал меня, всегда ленивую, торопить с туалетом, говоря, что я и то опоздала, что не хорошо приехать на бал позже императора. При этом рассказал утешительное известие о своем свидании с царем и некоторого рода примирении.

— За обедом, — сказал он, — император не говорил со мною, но по временам смотрел на меня. Я был ни жив ни мертв, думая, что все еще состою под гневом его! После обеда начал он подходить то к тому, то к другому, — и вдруг подошел ко мне: “Здравствуйте! Жена ваша здесь? Она будет на бале, надеюсь?”.

На это Керн, натурально, заявил свою горячую признательность за внимание, сказал, что я непременно буду, и приехал меня торопить» [98]. Ср. «предбалную» же тираду мужа Ани: «Когда за полчаса до отъезда на бал Модест Алексеич вошел к ней без сюртука, чтобы перед ее трюмо надеть себе на шею орден, то, очарованный ее красотой и блеском ее свежего, воздушного наряда, самодовольно расчесал себе бакены и сказал:

— Вот ты у меня какая... вот ты какая! Анюта! — продолжал он, вдруг впадая в торжественный тон. — Я тебя осчастливил, а сегодня

ты можешь осчастливить меня. Прошу тебя, представься супруге его сиятельства! Ради бога! Через нее я могу получить старшего докладчика!» [168] В разбираемом нами аспекте любопытно, что с этим пассажем, манифестирующим стремление Модеста Алексеича использовать жену как средство карьерного продвижения, соотносена шуточная реплика «его сиятельства», обыгрывающая мотив служебного взыскания — существенный, напомним, для отношений Керна с царем: «А я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что он до сих пор скрывал от нас такое сокровище» [170].

В «Трех встречах...», написанных от первого лица, доминирует эмоциональная речь героини (с отступлениями о ее восприятии окружающих, описаниями внутреннего состояния, восклицаниями: «Это счастье, с которым никакое другое не могло для меня сравниться!» [91]; «Никогда я столько не восхищалась походкой императора, ему одному свойственной!» [99]; «Но — всему бывает конец — и этому счастливому созерцанию моему настала минута — последняя!» [102]) — ср. ремарку Семевского о «порывистом, полном неостывшего увлечения тоне» рассказа. В параллель напомним, что при переработке «Анны на шее» для издания А. Ф. Маркса Чехов усилил звучание рассказа «“в духе” героини. Введено описание дворянского собрания с точки зрения героини (снующие лакеи, запах светильного газа и т. д.). Об успехе Ани у мужчин повествователь говорит теперь так, как будто это ее мысли: “это было ясно, да иначе и быть не могло”. Увеличено число восклицательных фраз, передающих отношение героини к происходящему (типа: “Ах, как хорошо!”)»²⁸.

9. Вероятно, что к очерку Керн Чехов отнесся не только как к небезынтересным воспоминаниям, содержащим яркую и четко выстроенную фабулу, но и как к практически современной ему русской прозе, сочетающей: а) подчеркнутые контрасты и карикатурные персонажи (что характерно для ранних рассказов), б) медленное, без драматических скачков развитие действия, пребывание героев в пошлости жизни («визитная карточка» его зрелого чеховских периода) — и в) «случайные восклицания, нелепые словечки» (ср. бальный разговор Керн с императором и «бессмысленные фразы в речи князя»: «М-да... Американцы...»²⁹). Все это он мог принять к сведению и учесть в собственной прозе: хорошо известно, что в «Анне на шее» дают себя знать обе чеховские манеры.

Примечания

- ¹ См., в частности: *Куприяновский П. В.* А. П. Чехов и журнал «Северный вестник». (90-е гг.) // Учен. зап. Иванов. пед. ин-та. 1958. Т. 13. Филол. науки. Вып. 4. С. 155–159; *Гайдук В. К.* 1) А. П. Чехов и «Журнал для всех». (По архивным материалам) // Сб. аспирантских работ. Вып. 3. Сер. литературоведческая. Иркутск, 1965. С. 23–25; 2) Из отношений Чехова с журналами «Жизнь» и «Начало» // Литературный музей А. П. Чехова: Сб. ст. и мат. Вып. 5. Ростов, 1969. С. 49–60; *Долотова Л. М.* Чехов и «Русская мысль». (К предистории сотрудничества в журнале) // Чехов и его время. М., 1977. С. 265–283; *Твердохлебов И. Ю.* Чехов и «Новое время» Суворина. (Эпизод 1886 года. Рассказ «О женщинах») // Там же. С. 284–300.
- ² Значимое исключение — хорошо изученная подготовка Чехова к путешествию на Сахалин, в ходе которой он проштудировал массу источников, в т. ч. помещенных в периодических изданиях, и последующая работа над книгой об острове.
- ³ Ср. свидетельство его сестры: «В Ялту же паковались только книги некоторых русских классиков, особенно любимых братом (Пушкин, Гоголь, Толстой, Некрасов и др.)» (*Чехова М. П.* Из далекого прошлого. М., 1960. С. 200).
- ⁴ *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 тт. Письма. В 12 тт. Т. 1. М., 1974. С. 147. «Вопросы жизни. Дневник старого врача» Н. И. Пирогова печатались: Рус. старина [далее — РС]. 1884. № 9–12; 1885, № 1–6.
- ⁵ *Чехов А. П.* Указ. изд. Т. 3. М., 1976. С. 197. Ср. в письме к В. А. Тихонову (8 апреля 1894 г.): «...и все-таки письма Вашего я не получил. Оно погубило, и потомки мои не напечатают его в Русской старине и не получают гонорара. Печально» (Указ. изд. Т. 5. М., 1977. С. 139). Характерно, что Чехову, с его взвешенно-деловым подходом к литературным заработкам, приходит в голову журнал Семевского, тратившего немалые доходы от своего издания в первую очередь на приобретение рукописей (собраны в фонде «Русской старины» в Рукописном отделе Пушкинского Дома), а не, скажем, московский «Русский архив», издатель которого, П. И. Бартенев, обычно старался обойтись без вознаграждения — и владельцам рукописей, и авторам статей. Ср. также юмористическое «деловое предложение» Чехова редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому в письме к А. С. Суворину, этот журнал издававшего: «Сергей Николаевич не высылает мне «Исторического вестника». Очевидно, потерял веру в то, что я когда-нибудь пришлю ему повесть. Не может ли он высылать мне «Вестник» в счет тех мемуаров, которые я оставляю после смерти? Я накатаю 50 печатных листов» (Указ. изд. Т. 5. С. 264; письмо от 22 января 1894 г.).
- ⁶ Указ. изд. Т. 4. М., 1975. С. 26.
- ⁷ Там же. С. 49. В предпоследнем абзаце письма: «Сейчас я послал Вам с мальчиком из Контрагентства «Вестник Европы» 1875, 6 и «Русскую старину» 1883, т. XXXVII».
- ⁸ *Горячева М. О.* Пушкинский и чеховский миф в малой прессе 1880-х–начала 1900-х гг. // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 275.
- ⁹ Доказывать данное положение нет необходимости; из внешних знаков такой приверженности достаточно напомнить хотя бы о страстном желании Чехова немедленно по выходе иметь самому и доставить коллегам-медикам «суворинское» издание сочинений поэта (об этом см.: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 154, 157, а также: *Чехов А. П.* Указ. соч. Письма. Т. 2. М., 1975. С. 28; письмо к Суворину от 10 февраля 1887 г.); о награждении писателя половиной Пушкинской премии в 1888 г.; о наличии «пушкинской» комнаты (именовавшейся так по «большому портрету Пушкина, висевшему в ней» [литографированной репродукции с портрета работы Кипренского] — *Щепкина-Куперник Т. Л.* О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 231; *Чехова М. П.* Указ. соч. С. 114) в мелиховском доме; о его работе в Ялтинской комиссии по проведению юбилея 1899 г. («Он принимал самое деятельное участие в организации пушкинских любительских спектаклей, живых картин, народных чтений и т. д.» — *Чехова М. П.* Указ. соч. С. 193); наконец, об одной из его устных миниатюр: «Люди обеспеченные, могут жить хорошо. В парадных комнатах все отлично, в детской — грязновато, в кухне — тараканы! А спросите их, есть ли в доме Пушкин? Конечно, не окажется» (*Хотяинцева А. А.* Встречи с Чеховым // Чехов в воспоминаниях... С. 369–370).
- ¹⁰ Библиотека для чтения. 1859. Т. 154. Апрель. С. 111–144.
- ¹¹ В письме от 28 июля 1859 г.: «Понятно, что при этом уже пропадет всякая необходимость полудоверий, умолчаний, недоговоров, как в отношении себя, так и в отношении других, — нужна только добросовестность и любовь к людям, которых описываешь. Если вы станете на эту точку зрения, то уже увидите под ногами своими все, что теперь может вас остановить или все, что теперь вас затрудняет — фальшивые понятия о дружбе, о сбережении памяти человека, о приличии и неприличии... Задача делается только показать лицо и событие во всей их правде и так, чтобы самая эта правда нисколько не мешала ни любить, ни уважать их» (цит. по: *Егоров Б. Ф.* П. В. Анненков — литератор и критик 1840–1850-х гг. // Труды по русской и славянской филологии. XI. Тарту, 1968 (= Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 209). С. 85 (примеч. 68).
- ¹² Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 329–348 (под заголовком «Из воспоминаний о моем детстве»).
- ¹³ Радуга. 1884. № 18, 19, 22, 24, 25 (под заголовком «Сто лет назад»).
- ¹⁴ Один из них — «Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке»: Семейные вечера (старший возраст). 1864. № 10. С. 679–683; о втором см. ниже.
- ¹⁵ *Майков Л. Н.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 223.
- ¹⁶ Русская старина. 1870. Т. 1 (изд. 3-е). № 3. С. 230–243.
- ¹⁷ «Предмет любви Пушкина»; адресат «нескольких прелестных стихотворений»; «автор чрезвычайно интересной статьи “Воспоминания о Пушкине”» (Там же. С. 271).
- ¹⁸ «Три встречи...» цит. по изд.: *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 89 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте заметки в скобках).

- ¹⁹ «“Venez à Pétersbourg chez moi” [Приезжайте ко мне в Петербург]. Я с величайшей наивностью сказала, что это невозможно, что мой муж на службе. Он улыбнулся и сказал очень серьезно: “Il peut prendre un semestre” [Он может взять отпуск]. На это я так расхрабрилась, что сказала ему: “Venez plutôt à Loubny! C’est si beau Loubny!” [Лучше вы приезжайте в Лубны! Лубны — это такая прелесть!] Он опять засмеялся и сказал: “Je viendrai, absolument, je viendrai” [Приеду, непременно приеду]» [90].
- ²⁰ «Обращайтесь ко мне как к родному отцу!» (*фр.*).
- ²¹ *Чехов А. П.* Указ. изд. Т. 9. М., 1977. С. 161. Далее ссылки на этот том приводятся в тексте.
- ²² Керн пишет о военной среде, Чехов — о чиновничьей по преимуществу, но эта значимая разница отчасти скрадывается ключевой сценой триумфа Анны в мазурке с «громадным офицером» (см. о ней примеч. 25).
- ²³ Формулировка из первой записи к рассказу, сразу наметившей основные моменты развития действия (*Чехов А. П.* Указ. изд. Т. 17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. М., 1980. С. 47).
- ²⁴ *Щеглов Ю. К.* Из поэтики Чехова («Анна на шее») // *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности. М., 1996. С. 158, 176.
- ²⁵ Имеющим, несомненно, биографическую основу, но преломленным через литературные впечатления мемуаристики и активизированным ими. Ср. начало очерка: «Теперь, когда я ослепла и мне прочли чрезвычайно замечательное произведение графа Л. Н. Толстого “Война и мир”, где, между прочим, говорится о страстном, благоговейном чувстве, ощущавшемся всеми людьми к императору Александру Павловичу в начале его царствования, мне так ясно, так живо представилась та эпоха, и воротились те живые, никогда не забываемые мною воспоминания, о которых мне захотелось рассказать» [89]. Указывалось, что описанию бала в «Анне на шее» приданы «черты, напоминающие о соответствующих сценах у Грибоедова, Пушкина, Толстого», а эпизод мазурки, которую Аня танцует с «громадным офицером», содержит мотивы из «Войны и мира» (мазурка Наташи Ростовской — Денисова; *Щеглов Ю. К.* Указ. соч. С. 180, 320). В число толстовских параллелей к этому эпизоду «Анны на шее» следует, видимо, ввести еще одну: исполнение «Данилы Купора» (характерный танец, как и мазурка) графом Ильей Андреевичем Ростовым и Марьей Дмитриевной Ахросимовой на именинном обеде у Ростовых (т. 1, гл. XX). У Толстого сцена строится на четком распределении динамических амплуа и всеобщем внимании к пляшущей паре («Граф танцевал хорошо и знал это, но его дама вовсе не умела и не хотела хорошо танцевать. Ее огромное тело стояло прямо с опущенными вниз мощными руками <...> граф, все более и более расходясь, пленял зрителей неожиданностью ловких выверток и легких прыжков своих мягких ног, Марья Дмитриевна малейшим усердием при движении плеч или округлении рук в поворотах и притопываньях, производила не меньшее впечатление по заслуге, которую ценил всякий при ее тучности и всегдашней суровости. <...> Все было занято графом и Марьей Дмитриевной. <...> Скорее, скорее и скорее, лише, лише и лише развертывался граф, то на цыпочках, то на каблуках, носясь вокруг Марьи Дмитриевны и, наконец, повернув свою даму к ее месту, сделал последнее па, подняв сзади сверху свою мягкую

ногу, склонив вспотевшую голову с улыбающимся лицом и округло размахнув правую руку среди грохота рукоплесканий и хохота»). У Чехова по ходу танца амплуа инверсируются (сначала «он важно и тяжело, словно туша в мундире, ходил, поводил плечами и грудью, притоптывал ногами еле-еле — ему страшно не хотелось танцевать, а она порхала около, дразня его своей красотой, своей открытой шеей»; но «мало-помалу и громадного офицера прорвало; он оживился, заволновался и, уже поддавшись очарованию, вошел в азарт и двигался легко, молодо, а она только поводила плечами и глядела лукаво» [170]), момент выделенности пары сохранен. Возможно, эти отсылки к главе, повествующей об именинном обеде у Ростовых, косвенным образом свидетельствуют о знакомстве Чехова с очерком Керн, в том числе с его процитированным выше зачином (напомним, что носителем «страстного, благоговейного чувства» к Александру I, о котором она пишет, является в «Войне и мире» прежде всего Николай Ростов).

²⁶ *Щеглов Ю. К.* Указ. соч. С. 176–177.

²⁷ *Керн А. П.* Указ. соч. С. 102.

²⁸ *Гришунин А. Л., Орнатская Т. И., Полоцкая Э. А.* Примечания // *Чехов А. П.* Указ. изд. Т. 9. С. 487.

²⁹ *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971. С. 191.